

Характеристика Юстина II Младшего у Евагрия тоже весьма двойственна. Евагрий считает похвальным, что Юстин II ничего не вводил нового. Но он вел беспорядочный образ жизни, утопал в роскоши и постыдных удовольствиях, был страстным любителем чужого имущества, даже торговал церковными должностями⁵¹. Будучи одержим двумя пороками — алчностью и малодушием, он коварно убил своего родственника и возможного соперника Юстина, племянника Юстиниана: вместе с женой Софией он насытил свой гнев и ненависть, поправ отрубленную голову Юстина ногами⁵².

Отрицательное отношение Евагрия к Юстину II объясняется, видимо, также тем, что Юстин вел политику ограбления церкви. Евагрий рассказывает, что этот император низложил патриарха Антиохии Анастасия за то, что тот при рукоположении не заплатил Юстину II требуемой им суммы. Анастасий был обвинен в растрате церковных имуществ, так как он действительно их продавал, заявив, что делает это, чтобы богатства церкви не были бы отняты «всеобщей язвой» — Юстином⁵³. Юстин был беспечен, своенравен, дерзок, опрометчив в ведении войны, почему и потерпел поражение от персов и сошел с ума, а власть перешла к Тиберию. «Ромейский престол от безумных предприятий Юстина, — пишет Евагрий, — подвергался опасности пасть вместе с целым государством и передать власть варварам»⁵⁴.

Уничтожающая критика Юстина II, может быть, объясняется также стремлением Евагрия, писавшего при преемниках этого императора, угождать новым правителям, понося их предшественника.

Зато о царствующих при нем императорах, сперва Тиберии, а затем Маврикий, Евагрий пишет в панегирических тонах. По описанию Евагрия, Тиберий был высокого роста, статен и красив и даже по внешнему виду более, чем кто другой из царей и всех смертных, был достоин царствовать. Он имел кроткую, человеколюбивую душу и уже с первого взгляда располагал к себе всех. Он щедро награждал подданных и освобождал их от налогов («то золото было поддельное, которое происходило от слез»). Он отсрочил при своем воцарении сбор налогов на год, а опустошенные персами области совсем освободил от податей⁵⁵.

Еще более восхвалял Евагрий императора Маврикия: это был муж благоразумный и предусмотрительный, всегда и во всем постоянный, в образе жизни и нравах твердый и разборчивый. Чревоугодия он был чужд, употребляя пищу самую необходимую и простую, и вообще «избегал всего, чем украшается жизнь изнеженная». Беседовать с простым народом Маврикий не любил, но и ушей не распускал, зная, что первое ведет к презрению, а последнее порождает угодничество. Поэтому входить к себе он позволял изредка, и то в случае дел важных, а для речей излишних затыкал свой слух — не воском, как говорит поэт, а разумом: разум для слуха есть превосходнейший ключ, который во время бесед своевременно и отпирает его и запирает. Невежества, дерзости и трусости Маврикий не терпел, осторожность была в нем благоразумием, а медлительность — безопасностью⁵⁶.

Перефразируя Плутарха, говорившего, что мужество и счастье в Риме заключили союз, Евагрий пишет, что в Маврикий соединились благочестие и благоденствие, и благочестие, господствуя в нем над благоденствием, не позволяло ему ошибаться.

⁵¹ E v a g r., V, 1.

⁵² Ibid., V, 2.

⁵³ Ibid., V, 5.

⁵⁴ Ibid., V, 11.

⁵⁵ Ibid., V, 13.

⁵⁶ Ibid., V, 19.